

живемъ! — Рыбаки ловятъ рыбу и стали презирать ихъ. Вдругъ они поймали щуку и стали чистить—нашли тотъ самый перстень. Кладутъ они его въ печурку. Котъ глядитъ—перстень тотъ самый. Выходитъ къ кобелю. — Котъ взявъ перстень и говоритъ: что же, кобелище—дурачище,—что же мы будемъ здѣсь жить? Пойдемъ къ своему хозяину! Пришли къ острогу.—Ну, кобелище—дурачище, становись на заднія лапы.—Сталъ кобель на заднія лапы. Разбѣжался котъ и прыгнувъ чрезъ его лапы и прямо въ острогъ и кричитъ своему хозяину. Отпираетъ Лаврушка ворота. Входитъ къ нему котъ, принесъ его перстень. Лаврушка радъ. Взявши этотъ перстень, перевернулъ три раза. Выскочили 12 дюжихъ молодцовъ: разметать этотъ острогъ, а построить, какой мой былъ дворецъ! Сейчасъ разметали этотъ острогъ, построили какъ его былъ дворецъ. И на морѣ на островѣ опять построили монастырь, и отъ его дворца и отъ царскаго хрустальный мостъ.—Ну теперь приставить мою супругу ко мнѣ! Приставили ее къ нему. Сталъ Лаврушка жить да поживать.

XXI.

Д В А Б Р А Т А .

Жили два брата, потомъ взяли и раздѣлились. Раздѣлились они—одинъ сталъ бѣдно жить, другой богато. Богатый сына женить, созвать всѣхъ род-

ныхъ знакомыхъ, а брата своего не позовалъ въ гости. Жена бѣднаго говоритъ: пойдѣмъ къ брату въ гости,—вѣдь онъ сына женить. Пришли къ брату, онъ и не поглядѣлъ на нихъ. Идутъ оттуда. Они идутъ мимо колодезя и такъ имъ пить захотѣлось! —Зашли, напились, пошли отъ колодезя и такъ захмѣляли и сыграли пѣсенку. Играютъ двое, а три голоса тянутся. Жена говоритъ: что такое?—играемъ мы съ тобою двое, а три голоса тянутся. Кто же это такой? Имъ кто-то отвѣчаетъ: нужда твоя! А матушка нужда-то моя! Взялъ какъ схватилъ ее съ плечь-то (она у него на плечахъ сидѣла). Нашолъ кобылью голову — взялъ ее туда посадилъ да въ трясину затолокъ, и такъ пошолъ жить—лучше быть нельзя! Глядитъ богатый братъ—что такое?—бѣдный братъ зачалъ поправляться! Позвать надо брата въ гости. Призываетъ.—Ахъ, братецъ, ты жилъ бѣдно, отчего ты поправился?—Э, братъ, сказать тебѣ! Какъ у тебя была свадьба-то, я какъ пришолъ къ тебѣ, ты не видалъ меня, а я пошолъ отъ тебя, зашолъ въ эдакой колодезь напился водицы. Потомъ поемъ пѣсенку, поемъ двое, а три голоса тянутся! Жена говоритъ: — поемъ мы двое, а три голоса тянутся? что такой намъ подсобляетъ? А намъ кто-то и отвѣчаетъ: нужда, говоритъ, твоя, на плечахъ у тебя сидить.—А я какъ ее схватилъ съ плечей-то и долой! Нашолъ кобылью голову засадилъ туда, да въ трясину затолокъ! Вотъ оттого и богатъ сталъ.—Эхъ, братъ, видно и я такъ сдѣлаю, и свою снесу же. Сейчасъ богатый братъ досталъ этого бѣднаго брата нужду. Только онъ досталъ, хотѣлъ свою посадить, а братнина къ нему на плечо.—А батюшка,

а ужъ три года тутъ въ трясинѣ лежала. — Этотъ сталъ обѣднявши, а тотъ сталъ еще больше богатыть.

XXII.

МУЖИКЪ И ЗМѢЯ.

Выѣхалъ мужикъ на 1-й день весны пахать, зачалъ жнивье зажигать. Вдругъ ползетъ змѣя лютая: мужикъ, спаси меня, я тебѣ гожусь. — Ну мужикъ взялъ, посадилъ ее въ мѣшокъ, положилъ на телѣгу. Прошло время; прогорѣло жнивье. — Ну мужикъ, выпусти теперь меня изъ мѣшка. Мужикъ выпустилъ ее изъ мѣшка. Она неимоверной силой раздулась — страсть какая! Ну, мужичокъ, я тебя теперь съѣмъ! Какъ же змѣя — лютая ты говорила — я тебѣ гожусь, а теперь хочешь съѣсть? Тогда ты меня съѣшь, — пойдемъ до трехъ встрѣчъ. — Вдругъ она идетъ съ мужикомъ, бѣжитъ имъ заяцъ на встрѣчу: батюшка, зайныка, — разсуди наше дѣло: вотъ я выѣхалъ пахать, змѣя говоритъ: спаси меня, а теперь хочетъ съѣсть, — Ну мужикъ добро всегда зломъ оплачивается. — Ну пошли до другой встрѣчи. Шли — встрѣвается волкъ. — Батюшка волкъ, разсуди наше дѣло: — вотъ я выѣхалъ пахать, змѣя говоритъ: спаси меня, а теперь хочетъ съѣсть. — Ну, добро всегда зломъ оплачивается. Мужикъ говоритъ змѣѣ: пойдемъ до третьей встрѣчи, что третья встрѣча скажетъ, тогда ты меня съѣшь. Встрѣ-